

5 ноября

ГОДЪ XXIII.

№ 44.

5-Е НОЯБРЯ 1881 ГОДА

на 1882 годъ

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА

на 1882 годъ

„РАЗВЛЕЧЕНИЕ“

ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРНО-ЮМОРИСТИЧЕСКІЙ СЪ КАРРИКАТУРАМИ

(Существуетъ съ 1859 года).

Вступая въ двадцать четвертый годъ своего существованія, „РАЗВЛЕЧЕНИЕ“ надѣется, что будетъ почтено тѣмъ-же сочувствіемъ общества, которымъ пользовалось въ теченіе двадцати трехъ лѣтъ. Съ своей стороны редація, не возвышая цѣны, сдѣлаетъ все возможное для улучшенія журнала, какъ въ литературномъ, такъ и въ художественномъ отношеніи, и употребитъ всѣ зависящія отъ нея средства, чтобы „РАЗВЛЕЧЕНИЕ“ оставалось неизмѣнно однимъ изъ популярнѣйшихъ журналовъ.

„РАЗВЛЕЧЕНИЕ“ выходитъ разъ въ недѣлю, въ размѣрѣ 2-хъ печатныхъ листовъ, въ числѣ 50 номеровъ, съ двумя приложеніями (къ Пасхѣ и Рождеству).

Въ теченіе года оно даетъ болѣе 150 юмористическихъ разсказовъ и очерковъ, до 300 стихотвореній, небольшихъ сценъ, фельетоновъ, анекдотовъ, мелочей и т. п., болѣе 300 карриатуръ, что составляетъ въ общей сложности до 900 страницъ самаго разнообразнаго и занимательнаго содержанія.

„РАЗВЛЕЧЕНИЕ“ остается по прежнему самымъ доступнымъ по цѣнѣ изъ русскихъ юмористическихъ журналовъ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ: На годъ съ доставкою въ Москвѣ и пересылкою въ города 5 руб. На полгода 3 р. Безъ доставки: на годъ—4 р., на полгода 2 р. 50 к.

Подписываться можно въ Москвѣ, въ конторѣ редакціи (Покровка, Машковъ пер. д. Миллера) и у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ. Въ С.-Петербургѣ у гг. Анисимова, Мамонова, Вольфа, Гоппе, Исакова, Мелье.

Гг. иногородніе подписчики благоволятъ обращаться непосредственно въ контору редакціи.

Преміи, какъ и въ настоящемъ году, будутъ состоять изъ книгъ.

ПОГОРЪЛКА.

Быль.

I.

Живописно обрамленное съ трехъ сторонъ мелкимъ, густымъ ельникомъ, сверкая отъ лучей, восходящаго солнца и отражая безоблачно-синее небо, едва колеблется, словно дышитъ и радуется большое, чистое озеро. На четвертой сторонѣ раскинулись по берегу въ безпорядкѣ гумна, овины и сараи деревни Озерки, которая такъ прямо и щеголевато тянулась по обѣ стороны проѣзжей дороги, обсаженной на нѣсколько верстъ крупными старыми березами, посаженными давпо, вѣроятно еще въ ту пору, когда соблюдали указъ Екатерины II-й о разсадкѣ деревъ по дорогамъ и селеніямъ.

Еще до восхода солнца въ Озеркахъ зашевелился народъ: мужики, вскинувъ на плеча косы, торопились на косьбу по росѣ, бабы, проводивъ скотину на пастьбу, возвращались къ домашнимъ очагамъ, чтобы, на скоро «прокуривъ» печку, намѣсить лепешекъ съ творогомъ и наварить яицъ да «просяной» каши, намѣреваясь также по росѣ бѣжать въ поле на жниво, которое уже поспѣло, такъ что еще въ субботу передъ Ильинымъ днемъ, старая тетка Матрена зажала съ легкой руки, наблюдая при томъ всѣ старинные обычаи. Тайкомъ, чтобы никто не видалъ, помолясь Богу, Матрена взяла краюху хлѣба, круто ее посолила, завернула въ чистое полотенце и спрятала подъ полу своей безрукавной, напковой «обжинки». Послѣ этого достала съ полки заранѣе ею самой отточенный серпъ и вышла на улицу, озираясь, не подсматриваетъ-ли кто за ней.

Улица была пуста, ребятишки полоскались въ озерѣ, мужики копались на нашиѣ подъ озимое, а бабы возились у печекъ. Матрена прошмыгнула мимо сосѣдней избы и вступила на тропинку, ведущую къ ельнику, думая обойти задворками на свои полосы ржи. Снѣжно шагая босыми ногами, Матрена подвигалась неслышно по мягкой травѣ, а потомъ по мшистой почвѣ лѣса; но вотъ до ея слуха коснулись звуки голосовъ и она остановилась въ перѣшности: идти-ли впередъ или воротиться, мысленно досадуя на тѣхъ, кто такъ не кстати забрался въ ельникъ, чтобы помѣшать ей таинственной прогулкѣ.

Напрасно ждала Матрена, что ктонибудь выйдетъ изъ лѣса къ ней на встрѣчу: голоса раздавались все на одномъ мѣстѣ, какъ будто кто-то тутъ бесѣдовалъ, а не шелъ мимо, а это было очень загадочно, потому что терять дорогое время на разговоры въ рабочую пору поселянамъ не приходится.

— Кто-бы это? подумала Матрена. «И почто тутъ

схоронились, да калякаютъ безъ дѣла»?... Любопытство подстрекнуло Матрену подойти и вслушаться въ разговоръ, который такъ ее заинтересовалъ, что забывъ о цѣли своего пути, она осторожно раздвинула колючія вѣтви елки и заглянула въ небольшую прогалину на берегу озера. Нагнувшись надъ водой, молодая дѣвушка полоскала бѣлье, а возлѣ нея стоялъ молодецъ въ красной рубахѣ и черныхъ плисовыхъ шароварахъ, засунутыхъ въ дутые голенища щегольскихъ сапогъ, сбросивъ съ плеча на траву свою косу, онъ покуривалъ скрученную изъ газетной бумаги папирску и балагурилъ, заигрывая съ дѣвушкой.

— Те-те-те!... вотъ она тихоня-то?... водой не замутить, всѣ думаютъ, что чуть не святая, а она вонъ съ извозчиками любезничаетъ тайкомъ!... Ай-да Оеколка!... что это мать-то дура ей хвостъ-отъ не прижметъ?... Пара-ли ей Митюха! Богатаго отца сынъ, 6 лошадей въ Москвѣ держатъ, на трехъ пролеткахъ извозничаютъ, самъ да три работника, а домъ-то у нихъ полная чаша... ему развѣ такую невѣсту голую надоть... вотъ моя Дуняшка не въ припѣрѣ Оеклы красивойе, гладкая, румяная, бойкая, что нарядовъ ходючи по фабрикамъ нажила: шубка бѣлая атласная, «тепломать» драповый, «зувавка» плисовая, а ужъ платьевъ и не перечтешь; шерстяное, бриллиантовое, «реписовое», пунцовое, кубовое, синельковое, розовое, травчатое, лапчатое... вотъ это для Митюхи невѣста подходящая... опъ-же ей по праву.

Мысленно размышляя съ такимъ эгоизмомъ, Матрена не пропустила ни одного слова изъ разговора молодой парочки, которая и не подозрѣвала присутствія посторонней свидѣтельницы ихъ интимнаго „tête-à-tête“. — Вотъ-те Христочъ, Оеклуша, по осени сваху зашлю... увѣрять молодецъ.

— Коли заплешь, тогда и скажу, любъ аль нѣтъ... продолжая колотить бѣлье валькомъ, отвѣчала Оекла.

— Долго дожидаться, душенька моя, ты пойми, сердце-то не камень... чѣмъ-же я виноватъ, что ты заполонила мени? смилуйся, Оеклуша! взгляни поласковѣе, поцѣлуй, приголубь... не долго я вѣдь здѣсь проживу, какъ покось кончимъ, такъ отецъ ушлетъ опять въ Москву... вкрадчиво говорилъ Митюха.

— Что-жь, въ Москвѣ мало ль красавиць по трактирамъ шляются, да извозчикамъ на шею вѣшаются!... ты скорехонько Оеклу позабудешь...

— Что мнѣ красавицы!... Чортъ съ ними, ты мнѣ дороже всѣхъ Московскихъ шлюхъ... и молодецъ, подмѣтивъ въ дѣвушкѣ оттѣнокъ нѣжности, смѣло обхватилъ ее за плечи и чмокнулъ въ щеку.

— Пусти!... пусти-же, Митрій Яковличъ! что при-

сталь... неравно кто увидитъ: я дѣвка бѣдная, мнѣ честь-то дорога!.. Слабо сопротивляясь, говорила Оекла, но Митюха, не обращая вниманія на слова дѣвушки, продолжалъ ее цѣловать.

— Сволочь!.. злобно прошипѣла Матрена, отходя отъ ельника.— Ужь не быть тебѣ за Митюхой, да и никто другой тебя не возьметъ: я всѣмъ расскажу про твои шашни... И съ такимъ враждебнымъ настроеніемъ, Матрена зажала ротъ.

Возвращаясь со снопомъ домой, она на опушкѣ лѣсочка столкнулась съ Оеклой, которая несла съ озера коромысло съ повѣшаннымъ на него мокрымъ бѣльемъ, а въ другой рукѣ тащила ведро воды. Увидавъ Матрену со снопомъ и съ серпомъ, Оекла наивно спросила:— «Никакъ зажимать ходила, тетенька»? Этотъ вопросъ и печальная встрѣча были для зажима ржи дурнымъ предзнаменованіемъ, да кромѣ того подслушанный разговоръ съ Митюхой поднялъ всю желчь старухи, которая накинулась на неповинную дѣвушку:— Что-бъ тебѣ типунъ на языкъ!... Тьфу!... и Матрена плюнула.

Оекла оторопѣла.— За что-жь, тетенька? Я кажись не съ ехидства и не съ худымъ глазомъ?...

— Нечего тебѣ соваться... раздраженно сказала Матрена.— Погоди, дѣвка! будетъ тебѣ ужотко отъ отца здоровая клочка!... Какъ придутъ мужики съ косьбы, расскажу при всѣхъ, что ты съ Митюхой балуешься... страшица!...

Оекла такъ перепугалась, что ноги и руки у ней затряслись и она выронила ведро; вода расплескалась ей на юбку и на ноги, но она ничего не чувствовала кромѣ ужаса отъ угрозы Матрены, которая рѣзнула ей сердце какъ ножемъ.

— При всемъ народѣ!... Срамъ-то каковъ!... Отецъ-то у меня сердитый и во хмѣлю драчливый, а ноцѣ мѣрское вино пили... мелькнуло у ней въ головѣ всѣ мысли ея перепутались; слезы подступили къ горлу, но она не заплакала, что облегчило-бы ея горе. Когда она опомнилась, Матрены ужъ не было возлѣ нея; злая старуха быстро шагала у самой деревни. Оекла рванулась было ее догонять, но опоздала: Матрена ужъ вернула за уголъ улицы и ей надо было проходить мимо избы Оеклиной матери, которая услышала-бы разговоръ дѣвушки со старухой, а этого въ особенности опасалась Оекла. Постоявъ, да подумавъ, она машинально подняла пустое ведро, но вдругъ она словно ожила и лучъ надежды сверкнулъ въ ея глазахъ:

— Митрій Яковличъ небось еще на озерѣ... побѣгу къ нему, коли не облыжно божился, что женится, такъ пусть поцѣ-же сваху зашлетъ... и дѣвушка бросилась назадъ къ озеру; по его уже тамъ не было...

II

Оеклѣ было 17 лѣтъ; она была средняго роста, бѣленькая, хрупкая, бѣлокурая, съ кроткими голубовато-сѣрыми глазами; ее нельзя было бы назвать красавицей, а между тѣмъ, она многимъ нравилась, потому что отъ нея вѣяло невинностью, незлобіемъ, да еще кромѣ того своими сдержанными манерами и мелодичнымъ голосомъ она напоминала тѣхъ «барышень», которыхъ деревенскіе молодцы выдаютъ въ церквахъ или проѣздомъ на Московскихъ бульварахъ. Митюха, какъ извозчикъ, часто заглядывался на «барышень», отъ того-то ему такъ и полюбилась Оекла за свои бѣлыя ручки, которыя были въ постоянномъ движеніи, работая вязанными спицами, кружевнымъ крючкомъ и иглою. Тяжелый полевой трудъ былъ ей не по силамъ и она старалась замѣнять его женскимъ рукодѣліемъ; ея чулки, кружева, вышиванье и шитье составляли немалое подспорье въ бѣдномъ хозяйствѣ ея родителей. Отецъ ея Филиппъ очень часто запивалъ; сыновей у него не было, старшую дочь отдали замужъ, когда Оеклѣ было всего 12 лѣтъ; въ тотъ же годъ мать ея простудилась, слегла, долго хворала и наконецъ у нея отнялись ноги. Оекла сдѣлалась сидѣлкой у больной матери, да кромѣ того должна была замѣнить ее у печки и во всемъ домашнемъ хозяйствѣ; такъ какъ папята работницу они не имѣли средства. Съ пьяна Филиппъ грубо попрекалъ бѣдную больную, что она-де даромъ хлѣбъ ѣсть. Чтобъ избавить мать отъ горя и слезъ, дѣвочка выбивалась изъ силъ, чтобъ послѣть за большими въ полевыхъ работахъ, а въ свободныя минуты, вмѣсто того, чтобы гулять съ подругами на улицѣ и въ хоровахъ, гнула спину надъ шитьемъ да вязаньемъ и на заработанныя гроши доставляла больной необходимую приправу къ скудной крестьянской пицци, то есть чай, сахаръ, баранки и пшеничные пироги. Отца она не любила и боялась, но мать была для нея единственнымъ сокровищемъ въ мѣрѣ и все, что было лучшаго въ ея добромъ, любящемъ сердцѣ, сосредоточилось на слабомъ существѣ, ежеминутно требовавшемъ ея заботъ. Какъ всѣ больныя, Арипа была капризна и часто несправедлива къ дочери, но вскорѣ опомнившись, нѣжно ее обнимала и просила прощенія.

Такъ прошло 14 годовъ и Оеклѣ минуло 16 лѣтъ, отецъ ея заговорилъ о женихахъ.

— Возьмемъ-ка мы зятя въ домъ, я ужъ старъ, зять работать будетъ и насъ подъ старость кормить.

— А ты-то что будешь дѣлать? По кабакамъ таскаться. Нечего затѣвать Оеколку замужъ отдавать... пойдутъ ребятишки и ей некогда будетъ за мной ходить... съ досадой возражала жена.

— Такъ изъ за тебя, изъ за калѣки, дѣвки и замужъ

не ходить, въковушкой оставаться... Вотъ выдумала! безпремѣнно по осени свадьбу заварю... упрямо твердилъ Филиппъ.

— Някто и въ зятя-то къ тебѣ къ пьяницѣ не поидеть... спорила Арина.

— Найду авось... такого-же пьяницу возьму, а ужъ на зло тебѣ отдамъ твою няньку замужъ... и прибавивъ неизбѣжную мужицкую ругань, онъ уходилъ изъ дома, хлопая дверью такъ, что разбитыя стекла, кое какъ примазаныя ржанымъ тѣстомъ, дребезжали въ гнилыхъ рамахъ.

— Смотри, Θεколка, пока я жива, не ходи замужъ, поспѣешь еще когда я помру, мнѣ не долго осталось промаятся на этомъ свѣтѣ... говорила Арина своей дочери, послѣ ссоръ съ мужемъ.

— Да полно, матушка! не безпокойся по пустому: батюшка вѣдь зря съ пьяну мелить, а я объ женихахъ и не помышляю, да и кто меня возьметъ, ни приданого, ни одѣжи хорошей у меня нѣтъ... обыкновенно отвѣчала Θεкла.

Подходя къ своей избѣ, Θεкла издали еще услышала, что мать ея охаетъ; только что она отворила дверь, больная на нее шагнула; «Бога ты не боишься!... и куда ты запропастилась? Въ роту пересохло, ноги разломило... Некому ни пить подать, ни съ боку на бокъ перевернуть...» но тутъ она взглянула на дочь и оборвала свою брань. «Что ты? Аль захворала? на тебѣ лица цѣтъ!...» спросила она. вмѣсто отвѣта, Θεкла зарыдала. Больная испугалась. «Господи!... Что съ тобой?... Ужъ не померъ-ли отецъ... Аль тебя кто обидѣлъ?»... Наплакавшись, Θεкла въ отрывистыхъ словахъ рассказала матери о томъ, что съ ней случилось.

— Что мнѣ теперь дѣлать матушка?... Приходится въ озерѣ утопиться... я и хотѣла давеча съ горяча-то, да объ тебѣ вспомнила... кто безъ меня за тобой ходить будетъ?... Охъ я горемычная!... и Θεкла снова заплакала.

— Говорила я тебѣ, остерегайся Митюхи... не спросто онъ повадился ходить къ намъ, а вѣдь обманетъ безпремѣнно, хоть и божится, взять тебя не возьметъ, только срамъ одинъ... теперь питокма тебѣ, а и мнѣ-то Филиппъ житья не дастъ, поидеть ругаться да попрекать... Господи, не чаяла я такой бѣды...—тужила Арина и совсѣмъ разнедужилась.

— До самой ночи ни Θεкла, ни ея мать ничего не ѣли, а все сидѣли да охали, почью пришелъ домой пьяный Филиппъ, избилъ дочь, обругавъ и ее, и жену самымъ безобразнымъ словомъ. Не мѣся Филиппа разозлился и отецъ Митюхи:

— Ахъ ты пострѣлъ: что выдумалъ! я тебѣ задамъ такую трѣнку, что забудешь безъ родителейъ невѣсту

сватать. Что-бъ я въ снохи взялъ какую-то пищу?... Куда-жъ я въ гости поѣду? кого къ себѣ позову? Хороша родня: пьяница Филиппъ, да безногая Арина!... Собирайся въ Москву, безъ тебя покосъ уберемъ, а по осени я самъ тебѣ невѣсту высватаю.

И на другой же день, Митюху выпроводили изъ Озерковъ.

Плохо жилось Θεклѣ и прежде, но послѣ того, какъ завистливая Матрена вооружила противъ нея Митюхиныхъ родныхъ, матерей всѣхъ взрослыхъ дѣвокъ, прочившихъ дочекъ за богатаго жениха, да и самихъ подружекъ Θεклы, досадовавшихъ за оказанное красивымъ извощикомъ предпочтеніе, бѣдной Θεклѣ стало не въ моготу переносить всеобщую неприязнь и безцеремонные попреки: пришлось хоть носу не показывать на улицу, во время праздничной гульбы.

Впрочемъ, когда началась жатва, то бабы и дѣвки еще до восхода солнца уходили въ поле, а какъ погода стояла чрезвычайно жаркая, то жали до темной ночи, а днемъ спали, такъ что взрослыхъ никого и не было видно на улицѣ; за то ребяташки, оставаясь полными хозяевами въ пустыхъ избахъ, шалили и дрались на просторѣ. Въ особенности Матренинъ сынишка, 12 лѣтній, избалованный, дерзкій Васька, дѣлался ея пугаломъ и безъ жалости преслѣдовалъ бѣдную дѣвушку; завидѣвъ ее, еще издали онъ кричалъ на всю деревню «Эй!... Θεкла!... тебѣ Митюха велѣлъ кланяться... по осени свадьба... жди его на озерѣ, послѣ дождика въ четвергъ, въ субботу съ нищими!»... Вслѣдъ за этой остротой, всѣ мальчишки, покатываясь со смѣху, орала нескладнымъ, дикимъ хоромъ: «Θεкла! Митюха ждетъ тебя на озерѣ... свадьба въ субботу съ нищими»... Θεкла, глотая слезы, безъ возраженій на глупыя выходки, ускоряла шаги; но это не избавляло ее отъ мучителей: мальчишки устремлялись за ней, забѣгали впередъ, показывали языки и посы, продолжая кричать такъ, что всѣ деревенскія собаки кидались съ лаемъ и наускиваемыя маленькими безобразниками, хватали Θεклу за подолъ и ноги, но она никому не жаловалась и молча терпѣла обиды.

Однажды Васька поощряемый безнаказанностью, началъ кидать въ свою жертву, камнями; его примѣру послѣдовали и другіе шалуны; одинъ камень попалъ Θεклѣ въ глазъ, такъ, что дѣвушка вскрикнувъ отъ боли, остановилась среди улицы и зажала руками ушибленный глазъ. Мальчишки испугались; Васька, подбѣжавъ къ ней и дергая за рукавъ, спросилъ: «Θεколка! что-ты?»

— Охъ, батюшки! совсѣмъ окривѣла! охала Θεкла.

Мальчишки бросились въ разсыпную, кто куда, а Васька стоялъ предъ ней блѣдный и раскаявшійся.

— Ничего, не тужи... заживетъ, да ты на меня не

жался, а я какъ выросту, возьму тебя замужъ... На Митюху ты плюнь, онъ мою сестру Дуняшку сосваталъ...

Не смотря на боль отъ ушиба, это извѣстіе поразило Феклу.

— Сосваталъ? не врешь-ли ты?

— Право-слово сосваталъ: вечерось ея отецъ къ намъ со свахой Акулиной приходилъ и съ матушкой по рукамъ ударили, а меня въ село за виномъ посылали... увѣрялъ Васюка.

Фекла почти безъ памяти воротилась домой и на распросы матери отвѣчала: «Бѣжала да споткнувшись упала... вонъ глазъ-отъ себѣ какъ подшибла». Съ недѣлю послѣ того вокругъ глаза дѣвушки было черное пятно и опухоль. Ребятишки прекратили свои нападки, при появленіи Феклы, они испуганно глазѣли на ея синякъ и разбѣгались; но она ихъ и не замѣчала; неотвязчивая мысль поглощала ея разсудокъ:—Забылъ, обманулъ! по осени на Дуняхъ женится... а я-то что буду дѣлать. Кто за меня заступится? Охъ я горемычная!...

М. Политковская.

(До слѣдующаго №)

НЕТРУДНЫЯ ЗАГАДКИ.

Проворовался биржи хватъ,
Пришла пора быть вору биту,
Но самый лучший адвокатъ
Взялъ на себя защиту.
И въ рѣчи дѣльной и живой,
Не проронивши зря словечка,
Клянется чуть не головой,
Что тузъ невиненъ какъ овечка.
Извѣстно всѣмъ, что тузъ тотъ воръ,
Но почему юристъ такъ клялся,
Мы не поймемъ до этихъ поръ...
А ларчикъ просто открывался...

Разстался съ жизнью богатѣй,
И хотъ съ миліонами по смѣтѣ,
Но малолѣтнихъ двухъ дѣтей,
Оставилъ безъ поддержки въ свѣтѣ.
Но опекушъ нашелся имъ,
Должно быть былъ къ добру онъ чутокъ.
И къ кровнымъ дѣтушкамъ своимъ
Онъ пріютилъ тѣхъ двухъ малютокъ.
Хотъ самъ семейный человекъ,
Но отъ сиротъ не отказался,
Не диво-ль въ нашъ холодный вѣкъ!
А ларчикъ просто открывался...

Одинъ богатый былъ купецъ,
Мошной набитою кичился,
Но разорился наконецъ,
И вдругъ въ лохмотья облачился.
Во всѣхъ участіе всеялъ
Видъ потерявшаго избытки,
Какъ кредиторовъ умолялъ
Онъ взять за рубликъ по «семигкѣ».
Шель оживленный разговоръ:
Весь капиталъ куда дѣвался?...
Дивился каждый кредиторъ...
А ларчикъ просто открывался...

Болѣзнь постигла бѣдняка.
Что можетъ быть на свѣтѣ гаже,
Но помощь нужная близка—
Жилъ наверху врачъ въ бельэтажѣ.
Зовутъ и молятъ; слово далъ,
Но что-то долго торопился
И лишь тогда пришло въ подвалъ,
Какъ съ жизнію больной простился.
Жилъ докторъ тотъ недалеко,
Чего-же долго такъ копался?
Понять вѣдь право не легко.
А ларчикъ просто открывался...

Разъ брилліанты заложилъ
Жиду, какой то франтъ столичный,
Жидъ четверть суммы одолжилъ
И удержалъ процентъ приличный...
Франтъ день по срокъ пропустилъ,
Но выкупать когда явился,
Ужъ брилліантовъ слѣдъ простылъ—
Ихъ жидъ продать поторопился...
Вѣдь стоятъ вчетверо они,
Такъ почему-жъ жидъ не дождался?...
Хитро, отъ куда не взгляни.
А ларчикъ просто открывался...

Красоткѣ юной нѣкій фатъ,
Въ любви восторженно поклялся,
И каждый день въ зеленый садъ,
Къ ней на свиданіе являлся.
Клялся онъ ей, что Божій свѣтъ
Ему пріятенъ только съ нею,
Но вдругъ прервались tête-à-tête—
Жуанъ погинулъ Дульцинею...
Грустить покинутая имъ,
Куда предметъ ея дѣвался?
Вѣдь онъ любилъ и былъ любимъ...
А ларчикъ просто открывался...

Докторъ Оксъ.

ПО МОДНОМУ.

КАРТИЦКА ГРУБАГО ШИКА

„Назвался груздем—пользай въ кузовъ“.

Пословица.

I.

Архипъ Петровичъ Мутовкинъ, какъ говорится по пословицѣ, прошелъ огни, воды и мѣдныя трубы, за то изъ простаго десятичника, сдѣлался подрядчикомъ земляныхъ работъ, на желѣзныхъ дорогахъ. Съ той поры шибко повезло Мутовкину. Нажилъ онъ довольно денегъ, купилъ домъ въ Москвѣ и перебрался на жительство въ бѣлокаменную, съ толстой супружницей своей Ѳеклой Семеновной и маленькимъ шестилѣтнимъ сыномъ Васей. Перебравшись въ Москву, Архипъ Петровичъ весь свой довольно большой домъ отдалъ жильцамъ, занявъ для себя приличную, помѣстительную квартиру. И жить бы Архипу Петровичу припѣваючи. Но пѣть, судьба судила иначе, обуялъ Архипа Петровича бѣсъ прогресса и нужно сказать правду, задалъ прогрессъ хлопотъ и самому Мутовкину и Ѳеклѣ Семеновнѣ.

Дѣло было такъ.

Нужно было Архипу Петровичу посѣтить по дѣлу одного генерала. Генераль, жившій большимъ бариномъ, принялъ Мутовкина какъ и подобаетъ принять первостатейнаго кунца. Мутовкинъ дивился шикарно-убраннымъ комнатамъ генерала и, оправляя свой долгополый сюртукъ, съ изумленіемъ осматривалъ чуждую ему обстановку. Наконецъ онъ не выдержалъ и попросилъ хозяина показать ему и другія комнаты. Генераль былъ настолько любезенъ, что исполнилъ желаніе гостя и даже свелъ его на половину жены. Все въ домѣ генерала произвело сильное впечатлѣніе на Мутовкина. Ыхавши домой, Архипъ Петровичъ задумался.

— Вишь ты какъ люди-то живутъ, а!—думалъ онъ,— а мы што? Што-же я примѣрно меньше его што-ли достатку-то имѣю? Надоть помѣрекать и устроить все какъ слѣдуетъ.

— Эхъ, Ѳекла Семеновна,— говорилъ Мутовкинъ женѣ, возвратившись домой,— вотъ живетъ-то генераль, я те доложу!

— А что же?

— Ужъ очинно великатно. Примѣрно комнаты это убраны, жена одѣта, прислуга, все въ лучшемъ видѣ. Хозяйка его въ своихъ покояхъ живетъ, а онъ особливые комнаты занимаетъ. Посидѣли мы съ имъ у него въ кабинетѣ, переговорили о дѣлѣ, повелъ онъ меня въ комнаты къ супружницѣ. Вотъ, Ѳекла Семеновна посмотрѣла-бы ты—богатень, одно слово, въ комнатахъ. А ужъ жасмины, ароматы какіе, такъ въ носъ и лѣзутъ,

сейчасъ умереть, правда. Хозяйка это чинъ-чиномъ ко мнѣ: садиться, говорить, прошу васъ. Сѣли—сидимъ. Только, братецъ мой, Ѳекла Семеновна, сынокъ генеральскій съ гувильнеромъ вышелъ, такъ малецъ съ нашего Ваську. Одежа на емъ лиловая бархатная, головка въ кудри завита. Сейчасъ это шаркнулъ пожкой, поклонился и сказалъ што-то. Я не понялъ и спрашиваю генерала, что молъ это они такочка сказали? Это, говорить, онъ вамъ сказалъ «бажу», по французски значитъ, выходитъ наше почтеніе. Вотъ, братъ, какъ, Ѳекла Семеновна. Не то што у тебя Васька, кто бы ни сидѣлъ, войдетъ полпальца въ носъ заткнетъ и стоитъ ровню дуракъ какой. Такъ-то. Я, братъ, Ѳекла Семеновна, давно подумываю, а таперь совсѣмъ порѣшилъ—надоть мнѣ жить по модному.

— По модному? Да что ты генераль что-ли,—замѣтила Ѳекла Семеновна.

— Што за бѣда! Не въ генеральствѣ дѣло, а въ деньгахъ, а денегъ у насъ слава Богу хватить. Такъ-то.

— Какъ же это жить-то по модному?

— Какъ. Извѣстно какъ—по модному. Первое дѣло къ Васькѣ гувильнера приставлю...

— Охъ, Архипъ Петровичъ, малъ еще Вася для науки-то.

— Не бѣда! Пуцай всѣмъ «бажу» говорить пока-мѣсть, а тамъ видно будетъ. Потомъ мушцы эти съ себя долой. Дутые сапоги по боку, щиблеты заведу, штаны съ ланнасами, пипжакъ и бѣлыя рубахи. Очки не буду, въ карманѣ, въ очешникѣ носить, куплю золотое пиесе.

— Э, Архипъ Петровичъ, пу пипжакъ со штанами—ничего, а пиесе-то пенадоть-бы. Чай ты ихъ и носить не умѣешь, соскочать они у тебя.

— Дура ты баба, больше и ничего. Развѣ для пиесе то особливый носъ надобенъ. Одно дѣло прижми ихъ потуже, да носъ задирай больше кверху—ни въ жись не соскочать. Тебя тоже по модному одѣну, шлыкъ этотъ съ головы долой, замѣсто его шиньенъ надѣнешь...

— Меня то зачѣмъ...

— А ты помалкивай, да слушай што говорятъ!

Рѣшивъ «жить по модному», Архипъ Петровичъ не ограничился одними словами. Скоро, Мутовкинъ, прежній русскій костюмъ перемѣнилъ на общеевропейскій и изъ него вышелъ франтъ хоть куда.

— Што, Ѳекла Семеновна, какво? спрашивалъ онъ у жены, охорашиваясь передъ зеркаломъ.

— Что-жъ—хорошо, очинно хорошо, согласилась та.

— То-то хорошо. Не хорошо,—а два разъ хорошо. Таперь покрайности на мужика не похожъ—такъ то. Изволь-ка и ты себя по модному выдержать.

- Охъ, Архипъ Петровичъ, я ужъ и не знаю...
- Чего не знаешь-то?
- Да нужно ли...
- Говорятъ нужно, чего же еще толкуешь!
- Да я право не знаю какъ и пачать...
- Какъ! Поѣхала къ французинѣ въ магазинъ, она те во какъ отшлифуетъ. Вотъ-те и вся педолга.
- Да совѣстно какъ-то, зазорно.
- Дура, больше ничего. Печего съ тобой языкомъ зубы-то околачивать, собирайся сейчасъ, ѣдемъ.
- Архипъ Петровичъ...
- Ну! сказано.

Хорошо зная, не любящаго противорѣчій, своего супруга, Оекла Семеновна собралась и Мutowкинъ поѣхали. Всю дорогу до Кузнецкаго моста Оеклѣ Семеновнѣ было «какъ-то не по себѣ». Она и боялась чего-то, и чего то конфузилась и вообще рада бы была выскочить изъ экипажа и убѣжать домой. Наконецъ Архипъ Петровичъ остановилъ экипажъ у богатаго моднаго магазина.

- Что вамъ угодно? встрѣтила ихъ прикащица.
- А вотъ, манзель, хозяйку нашу надоть ублетьворить по модному.
- Что? переспросила прикащица.
- Супругу, говорю, одѣть желаю по модному.
- Что же вамъ угодно? отнеслась магазинщица къ Оеклѣ Семеновнѣ.
- Да мнѣ право пичего не надоть... конфузливо отвѣтила та.
- Што вы, манзель, съ ей говорите, нешто она можетъ понятіе какое имѣть, замѣтилъ Мutowкинъ, — съими бурнусъ, — отнесся онъ къ жепѣ.

Оекла Семеновна сняла пальто.

— Видите, манзель, говорилъ Мutowкинъ, на што она похожа — тунба какъ есть. Такъ вы, примѣрно, платья три-четыре, ай пятокъ съ перехватомъ устройте и шлифъ этотъ самый пуцай позади болтается. Поняли?

— Поняла, извольте.

— Опять шлыкъ этотъ съ головы ей — долой, пуцай шиньенъ падѣнетъ.

— У насъ шиньеновъ нѣтъ, это надо въ парикмахерской.

— Это все равно, а вы совѣтомъ ублетьворите. Пащеть расходу не скисняйтесь, пуцай мнѣ счета подадутъ отъ кель надобно. Одно слово обдѣлайте мнѣ хозяйку по модному.

Видя крайнее смущеніе Оеклы Семеновны, прикащица явилась ей на выручку.

— Я понимаю, что вы хотите, обратилась она къ Мutowкину, — но вы позвольте намъ съ вашей супругой

заняться этимъ вдвоемъ — мущины плохіе знатоки въ дамскомъ туалетѣ.

— На кой мнѣ шутъ разбирать ваши тряпки, у меня дѣловъ постоей этого довольно есть. Одно слово, манзель, — дѣйствуйте, а пащеть благодарности я не стою. Таперъ я хозяйку свою вамъ оставлю, а вы ужъ тово...

И оставивъ жену въ магазинѣ, Архипъ Петровичъ уѣхалъ.

Магазинщица не положила охулки на руку и какъ просилъ Архипъ Петровичъ, «обдѣлала по модному» Оеклу Семеновну. Затянула ее въ корсетъ, одѣла въ платье съ отдѣлкою и длиннымъ шлейфомъ, обула въ щегольскія гамаша, на голову нацѣпила ей шиньенъ, на руки надѣла перчатки.

— Ну, ну, Оекла Семеновна, говорилъ, осматривая жену, Архипъ Петровичъ, — тебя таперъ голыми руками не хватай — барыня какъ есть. Вишь ты дура не хотѣла меня слушаться, а вѣдь этакъ-то много лучше.

Одѣвшись «по модному», Оекла Семеновна нажила себѣ пропасть хлопотъ. На другой же день послѣ того, какъ гардеробъ ея былъ наполненъ, она вышла къ утреннему чаю въ своемъ прежнемъ платьи.

- Ты што-жь не по модному? спросилъ Мutowкинъ.
- Да капотъ еще изъ магазина не привезли, а въ этомъ платьи какъ будто послободиѣе.
- Окромья капота есть чай платья-то модныя.
- Да туго очинно въ нихъ, Архипъ Петровичъ.
- Ничего, привыкнешь. Ступай одѣнься.
- Архипъ Петровичъ...

— Ну! Сказано по модному одѣнься и пичего толковать, безъ того не смѣй и чай пить.

Оекла Семеновна пошла одѣваться, Архипъ Петровичъ въ ожиданіи ея, ходилъ по столовой. Долго не выходила Оекла Семеновна. Оказалось, что ни она сама, ни служившая у Мutowкинъ горничная, ни нянька, не могли сладить съ корсетомъ, платьемъ и шиньеномъ. Несчастныя женщины, боясь не угодить «самому», такъ и этакъ вертѣли принадлежности моднаго туалета, но всѣ усилія не приводили ни къ чему. Наконецъ, боясь выдти къ мужу одѣтой не по модному, Оекла Семеновна собрала всѣ принадлежности туалета, велѣла потихоньку заложить лошадь и помчалась къ магазинщицѣ.

Часа черезъ полтора она явилась.

— Эй, Оекла Семеновна, встрѣтилъ ее мужъ, — што-жь важный день одѣваться-то и будешь на Кузнецкій мостъ ѣздить? Это, братецъ мой, не модель.

— Да напутано больно много, Архипъ Петровичъ, не умѣю я еще одѣваться то.

Нянька. Ахъ, голубчикъ, какого ты это уroda намалевалъ!
Старый младенецъ. Ты ничего не понимаешь! это Богданъ Хмельницкій.

— Не умѣешь—учись. Штобъ этого больше никогда не было.

Фекла Семеновна была въ большомъ затрудненіи и слѣдующую ночь придумала лечь спать совсѣмъ одѣтой и причесанной. Архипа Петровича дома не было и Фекла Семеновна легла въ спальню, на диванѣ. Ясное дѣло, что заснуть она не могла. Шпильки тянуль ей голову, шпильки кололи, корсетъ давилъ грудь и бока, а отдѣлка платья не давала возможности улежся какъ слѣдуетъ. Возвратившійся, на разсвѣтѣ, Архипъ Петровичъ посмѣялся надъ женою за ея выдумку и замѣтилъ только:

— Спи, коль охота есть въ муниции.

Утромъ явилась магазинщица съ капотомъ и положила конецъ затрудненіямъ Феклы Семеновны, посоветовавъ ей взять опытную горничную.

Досталось на орѣхи и маленькому Васѣ. Къ нему былъ приставленъ гувернеръ французъ. Привыкшій къ свободному русскому костюму, мальчикъ былъ одѣтъ въ

модный костюмчикъ, голову французъ придумалъ завивать ему въ папильетки. Первый день пребыванія гувернера въ ихъ домѣ, Вася много плакалъ, будучи лишешъ привычной свободы движеній. Первую ночь онъ всю не спалъ, такъ какъ папильетки сжимали ему голову. На слѣдующее утро, только что французъ развилъ ему папильетки и оправилъ голову, а нянька одѣла его, Вася побѣжалъ въ столовую и бросился къ отцу съ обычнымъ привѣтствіемъ:

— Съ добрымъ утромъ, тятенька.

Архипъ Петровичъ оборвалъ его вопросомъ:

— А гдѣ гувернеръ?

— Въ дѣтской.

— Пошелъ, приходи съ нимъ и скажи «бажу».

Вася ушелъ въ смущеніи. Гувернеру былъ сдѣланъ выговоръ за то, что онъ выпускаетъ Васю не по модному. А Фекла Семеновна, вздумавшей заступиться за сына,

Первая. Катя! Одолжи мнѣ, голубушка, своего жениха на полчаса. Я просто хочу, чтобъ мой старикашка началъ меня ревновать.
 Вторая. Ну, итъ-съ! Я ужъ знаю эти одолженія! Дашь вещь въ цѣлости, а потомъ ее испорченною получишь.

Архицъ Петровичъ, показавъ кулакъ, грозно замѣтилъ, не стѣсняясь присутствіемъ француза:

— Такого раза закачу, ежели будешь мѣшаться не въ свое дѣло! Сказано—по модному, такъ штобы все по модному и было.

И крайне раздраженный, Мutowицъ вышелъ изъ комнаты.

Начавъ устраивать жизнь свою и своего семейства «по модному», Архицъ Петровичъ не ограничился шиньелью для Феклы Семеновны, «гувильперомъ» для Васи и «пиццакомъ» для себя. Нѣтъ. Дѣло, завязавшееся между нимъ и генераломъ, давало ему возможность нѣсколько разъ посѣтить домъ генерала. Изъ этихъ посѣщеній Архицъ Петровичъ все болѣе и болѣе выносилъ убѣжденіе, что для того, чтобы жить «великатно», ему нужно отдѣлать домъ на двѣ половины, завести

человѣкъ двухъ трехъ мужской прислуги и пр. Онъ сообщилъ объ этомъ Феклѣ Семеновнѣ.

— И, Архицъ Петровичъ, замѣтила та,—къ чему это, и такъ комнаты хорошо убраны.

— Помалкивай, сказано—падоть, такъ и будетъ; у тебя будутъ свои горницы, у меня—свои.

Горя нетерпѣніемъ скорѣе жить по модному, Архицъ Петровичъ очистилъ бельэтажъ въ своемъ домѣ, пригласилъ обойщика и приказалъ ему отдѣлать домъ на двѣ половины.

— Да вы тово, говорилъ онъ,—что бы все было въ лучшемъ видѣ, по великатному; за расходами я не постою.

— Будьте увѣрены, домъ будетъ отдѣланъ шикарно, успокоивалъ обойщикъ,—черезъ день я вамъ составлю приблизительную смѣту.

— Ну то-то.

Началась отдѣлка дома, въ продолженіи которой Архипъ Петровичъ былъ какъ на иголкахъ и торопилъ обойщика. За расходами онъ дѣйствительно не стоялъ и домъ былъ отдѣланъ съ полнымъ комфортомъ и роскошью. Когда домъ былъ готовъ, удовольствію Архипа Петровича не было предѣла. Радуюсь и восхищаясь какъ маленькій ребенокъ, ходилъ онъ то по своей половинѣ, то по половинѣ Ѳеклы Семеновны. Было одно маленькое неудобство, но на него, Мutowкинъ не обращалъ особеннаго вниманія, хотя оно впоследствии оказалось не безъ значенія. Дѣло въ томъ, что расположеніе дома не позволяло свести обѣ половины такъ, чтобы спальни супруговъ были рядомъ. Вслѣдствіе этого спальня Ѳеклы Семеновны оказалась на одномъ концѣ дома, а спальня Архипа Петровича на другомъ и обѣ комнаты соединялись длиннымъ корридормомъ, проходящимъ съ задней стороны обѣихъ половинъ.

Но, какъ я уже сказалъ, это, теперь не имѣло значенія въ глазахъ Архипа Петровича.

И зажили Мutowкины вполне «по модному», хотя и не то чтобы очень на славу. Архипъ Петровичъ, сдѣлалъ нѣсколько лишнихъ визитовъ къ генералу съ единственною цѣлью присмотрѣться повнимательнѣе къ его жизни. Все, что узнавалъ новаго, онъ передавалъ Ѳеклѣ Семеновнѣ и требовалъ, чтобы это исполнялось неуклонно.

— Смотри, чтобы все въ акуратѣ было, — наказывалъ онъ.

И самъ онъ неуклонно держался разныхъ схваченныхъ на лету правилъ.

Сидитъ разъ вечеромъ Архипъ Петровичъ въ своемъ роскошномъ кабинетѣ, входитъ Ѳекла Семеновна.

— А я заждаюсь тебя, Архипъ Петровичъ, что же ты чай-то пить не идешь?

Мutowкинъ укоризненно покачалъ головой.

— Ахъ, ты шутъ гороховый, Ѳекла Семеновна, замѣтилъ онъ.

— Что такое?

— Сказано тебѣ разъ навсегда, ежели долго къ чаю не выхожу, присылай лакея спрашивать, гдѣ баринъ будетъ чай кушать.

— Да вѣдь постоянно со мной чай пьешь...

— Уйди! Пришли спросить и баста.

— Не все-ли одно, ну я сама пришла. Гдѣ будешь чай кушать?

— Уйди! Сказываю—уйди отъ грѣха, а то я те во какъ!... Поди пришли лакея спросить. Да смотри сама не вставай къ лакею, а позвони, нуцай онъ къ столу подойдетъ.

Ѳекла Семеновна ушла и скоро явился чловѣкъ.

— Чай прикажете сюда подавать, или будете кушать на половинѣ барыни?

— На половинѣ барыни, отвѣтилъ Архипъ Петровичъ и отправился.

Подобное нелѣпо строгое соблюденіе этикета занимало Архипа Петровича какъ ребенка и ставило иногда въ неловкое положеніе не только его самого, но и его посѣтителей. Ходитъ разъ Мutowкинъ по своей роскошной залѣ и видитъ, что къ подъѣзду подъѣхалъ генераль, обезьяничая котораго, онъ началъ жить «по модному». Вспомнивъ, что генераль почти постоянно принималъ его въ кабинетѣ, сидя за бумагами, Архипъ Петровичъ, бѣгомъ пустился въ кабинетъ и сѣлъ къ столу.

Вошелъ чловѣкъ и подалъ карточку.

— Прости сюда, распорядился Мutowкинъ и, буквально копируя генерала при его появленіи, лѣжливо поднялся съ кресла и протянулъ руку.

Генераль поморщился.

— Вы кажется очень заняты? спросилъ онъ, осматривая столъ, на которомъ не было ни малѣйшаго признака прерванной работы.

Мutowкинъ не зналъ, что сказать и смутился, но генераль понялъ, что виною такого неприличнаго приѣма было не желаніе шокировать его, а невѣжество хозяйина дома, не сумѣвшаго съобезьяничать какъ слѣдуетъ.

— Что нибудь соображали, весело пошутилъ генераль, выводя изъ затрудненія хозяина.

— Точно такъ-съ, ваше превосходительство, точно такъ-съ, именно соображалъ, извищите пожалуйста, прошу васъ садиться.

На обѣихъ половинахъ дома Мutowкина стояли на треножникахъ изящно отдѣланныя фарфоромъ карзинки для визитныхъ карточекъ.

На половинѣ Архипа Петровича еще кое когда карточки попадали въ карзинку, но на половинѣ Ѳеклы Семеновны карзинка стояла пустая. Это очень смущало Мutowкина. Сколько народу не водилъ онъ на половину жены, никто не положилъ въ карзинку своей карточки.

— А какъ вамъ нравится эта карзинка для карточекъ? говоритъ Архипъ Петровичъ, нарочно дѣлая удареніе на послѣднемъ словѣ.

— Очень мило, очень, восхищается посѣтитель и отходить, не положивъ карточки.

Пріѣзжаетъ разъ къ Мutowкину адвокатъ, его постоянный повѣренный. Чловѣкъ по обыкновенію принесъ въ кабинетъ карточку, выслушалъ «прости» и провелъ адво-

ката. Переговоривъ о дѣлѣ, Архипъ Петровичъ предложилъ адвокату пройти на половину жены. Тотъ конечно согласился. Мutowкинъ по обыкновенію позвонилъ, явился человекъ.

— Поди узнай, можетъ барыня принять насъ?

Человекъ скоро возвратился и объявилъ, что принять могутъ. Посидѣвъ немного въ гостиной жены, Мutowкинъ подошелъ къ карзинкѣ.

— А поди-ка, душа, взгляни, какова карзинка-то, обратился онъ къ адвокату, съ которымъ былъ въ близкихъ отношеніяхъ.

— Очень хорошо, похвалилъ адвокатъ, подходя къ карзинкѣ.

— Это для карточекъ, пояснилъ Мutowкинъ,

— Знаю.

— Гмъ, гмъ... Есть што-ль съ собой у тебя карточка-то?

— Есть.

— Ну положи.

— Да зачѣмъ-же?

— Положи, потѣшь хозяйку.

Адвокатъ улыбнулся, однако «потѣшилъ», положилъ карточку въ карзинку.

— А видѣлъ ты, яраль какая у жены въ залѣ стоитъ? спросилъ Мutowкинъ.

— Видѣлъ.

— Это, братецъ мой, штука-те знатная, около двухъ тысячъ цѣлковыхъ стала. Пойдемъ-ка посмотримъ.

Пошли.

— Слышь, говорилъ Мutowкинъ, выходя съ юристомъ въ залу,—разя намъ съ тобой по старой памяти тово...

— Чего того?

— Ну чего тово!—коньячку, а опосля шимпанчику дернуть? А?

— Да у меня дѣло есть...

— Ну дѣло—плевать. Пойдемъ.

Войдя въ гостиную, Архипъ Петровичъ обратился къ женѣ съ приказаніемъ готовить закуску.

— Да штобъ живо! прибавилъ онъ.

Фекла Семеновна встала, но только что хотѣла выдти изъ комнаты, какъ мужъ остановилъ ее.

— Ты куда?

— Да вѣдь закуску велѣлъ приготовить, такъ иду сказать.

— Дура-голова, позвони и садись на мѣсто.

Архипъ Петровичъ любилъ и очень даже любилъ кутнуть, но повизна обстановки житья «по модному» такъ занимала его, что онъ забылъ о кутежахъ и весь предался соблюденію этикета. Появленіе его друга адво-

ката напомнило ему о возможности скоротать ночь въ веселой компаніи. Закуска была подана и старые пріатели «налимонились» порядкомъ.

— Слышь, поѣдемъ въ Стрѣльну! предложилъ Мutowкинъ.

— Ну ее!

— Ёдемъ! Чего тамъ?

— Пожалуй.

Послали за тройкой и отправились. Въ Стрѣльнѣ за компаніей дѣло не стало и, когда ночью Мutowкинъ съ адвокатомъ явился домой, то лакеи буквально не узнали своего «барина». Оба пріятеля были, что называется, безъ заднихъ ногъ и лакеи едва-едва втащили ихъ въ спальную Архипа Петровича и уложили на одну кровать.

Адвокатъ сразу заснулъ какъ убитый, а Мutowкинъ долго еще бормоталъ укору женѣ. Вся неумѣлость Феклы Семеновны жить «по модному», на которую онъ смотрѣлъ сквозь пальцы трезвый, теперь казалась Архипу Петровичу достойною великаго укора.

— По модному... ворчалъ онъ... развѣ съ тобой... можно по модному... тебѣ за коровами ходить... а не по модному... Ишь храпить... лошадь... право лошадь... Ишь храпить... ровно... возъ возить... прибавилъ Мutowкинъ, толкая сосѣда и думая, что рядомъ съ нимъ лежитъ не адвокатъ, а Фекла Семеновна.—Да ты што-жъ не слышишь што-ль?! И не долго думая—трахъ адвоката въ ухо и затѣмъ сгребъ его за волосы. Тотъ, не понимая въ чемъ дѣло и даже не сознавая, гдѣ онъ находится, отвѣтилъ Мutowкину туманомъ и когда получилъ новый ударъ въ физиономію, перетрусилъ, вскочилъ съ кровати и впопыхахъ, ничего не видя, помчался по корридору, преслѣдуемый Мutowкинымъ. Виѣ себя отъ страха, адвокатъ какъ шальной вбѣжалъ въ спальную Феклы Семеновны, гдѣ и былъ настигнутъ хозяиномъ. Завязалась драка, шумъ, Фекла Семеновна, какъ шальная, вскочила съ постели, на крикъ вбѣжала горничная со свѣчей и не угодно-ли представить изумленіе всѣхъ дѣйствующихъ лицъ. Всѣ пахотились въ полиѣшемъ дезабилье и кромѣ того у адвоката и Мutowкина по огромному сипяку подъ глазами. Адвокатъ сейчасъ же удралъ обратно въ корридоръ. За нимъ послѣдовалъ и Архипъ Петровичъ. На шумъ поднялся весь домъ. Въ спальнѣ «барина» человекъ зажегъ свѣчи.

— Нѣтъ, братъ, это дѣло не хвали, говорилъ адвокатъ, подходя къ зеркалу и осматривая свою, разукрашенную физиономію.

— Ну, братъ, не сердись и у меня, вѣдь, тоже физиономія-то на сторону, успокоивалъ Мutowкинъ.

- Такъ тебя изъ конторы въ шею вытолкали?
 — Вовсе и не въ шею.
 — Такъ съ лѣстницы спустили?
 — Спустили просто изъ любезности, — я только что уйти хотѣлъ.

— Ты, чертъ тебя возьми, можешь дома сидѣть, а мнѣ этого пельзя, сѣтовалъ адвокатъ.

— Такъ-то такъ, да што-жь теперь дѣлать-то? Ну возьми што слѣдуетъ, за себя другаго найми на время. И какъ это мы подрались-то съ тобой?

— Чертъ тебя знаетъ! съ сердцемъ крикнулъ юристъ.

— Ну чево тамъ, давай, братъ, выпьемъ.

Мутовкинъ позвонилъ и велѣлъ подать шампанскаго. Когда вино было подано и пріятели усѣлись къ столу, Мутовкинъ посмотрѣлъ на фізіономію своего собесѣдника и улыбнулся.

— Вотъ такъ по модному! замѣтилъ онъ.

— Скотина ты и больше ничего.

— Это я слышь, — оправдывался Архинъ Петровичъ, — это я разсудилъ должно, што не ты, а жена со мною...

— Разсудилъ! разсудительное животное, нечего сказать! злился юристъ.

— Одно дѣло. Это вся причина въ томъ, што я, братецъ мой, по модному жить не вовсе научился. Все у меня ладно идетъ какъ слѣдуетъ — по модному, а только самъ вижу, што разныя спальни имѣть съ женою нашему брату никакъ не приходится. Будь у насъ обчая спальня, тебя-бы положили хучь въ кабинетъ и и дѣлу конецъ. А тутъ вотъ по модному-то мы съ тобой пріятели, а морды одинъ другому своротили. Такъ-то.

На другой же день, Архинъ Петровичъ, приказалъ устроить одну, общую спальную, съ женою.

И. Влашковъ.

ИЛЛЮСТРАЦИИ КЪ РУССКИМЪ АВТОРАМЪ.

„ПОЭТЪ“. Пушкина.

Пока не требуетъ поэта
 Въ священной жертвѣ Аполлоу,
 Въ заботахъ суетнаго свѣта
 Онъ малодушно погруженъ;

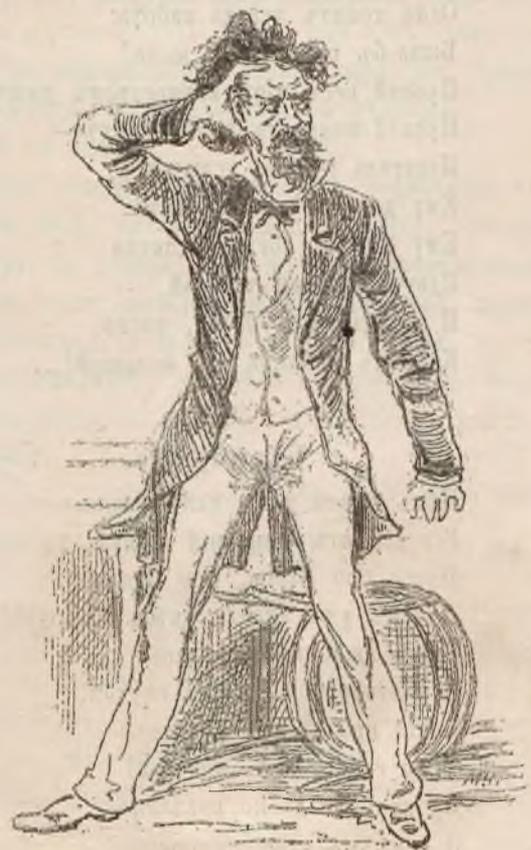
Молчитъ его святая лира,
 Душа вкушаетъ хладный сонъ

И межъ дѣтей ничтожныхъ міра,
 Быть можетъ, всѣхъ ничтожѣй онъ.

Но лишь божественный глаголь
 До слуха чуткаго коснется,

Душа поэта встрепенется,
 Какъ пробудившійся орелъ. (До слѣдующаго №).

ВОПЛИ

Пускай мой вопль несется къ Небу!
Изъ неизвѣстн. поэта.

I.

Редактора.

Какъ-бы статейку въ газетѣ
Громкую намъ помѣстить?
Какъ-бы вниманіе въ свѣтѣ
Намъ на себя обратить!...
Что за бѣда—«запрещенье»,
Пусть хоть на годъ запретятъ!
Все же объ пасъ въ увлеченьи
Громко вездѣ говорятъ:
«Вотъ-де въ газетѣ явилась
Диво—статейка сейчасъ!
Такъ что цензура озмилась—
И—«запрещенье» какъ—разъ!...»
То-то хвамы, ликованья—
Всюду хвала и хвала!...
Дай-ка примусь за писанье—
Охъ ужъ! была-не-была!...

II.

Издателя.

Мечтать мнѣ, право, не охота
О злобѣ, интересѣ дна—
Одна томить всегда забота:
Была-бъ подписка у меня!
Пускай весь міръ коварствомъ дышетъ,
Пускай покроетъ злоба свѣтъ—
Издатель это не услышитъ,
Ему до свѣта дѣла нѣтъ!
Ему милѣй, когда подписка
Идетъ обычной чередой
И вдалекѣ отъ шума, риска,
Карманъ набьетъ его большой!...

III.

Беллетриста.

Пѣтъ новой темы для романа—
Все дышитъ стариной одной!
Пиши про Карна, про Ивана,
О чемъ ужъ знаетъ свѣтъ большой!
Пиши любовныя свиданья
И разговоръ въ тиши глухой,
Пиши про грезы, упованья
Четы счастливой, молодой!
Но это все давно извѣстно...
О чемъ же стану я писать?
Писать про старое не честно,
Не честно, право, и молчать!...

IV.

Репортера.

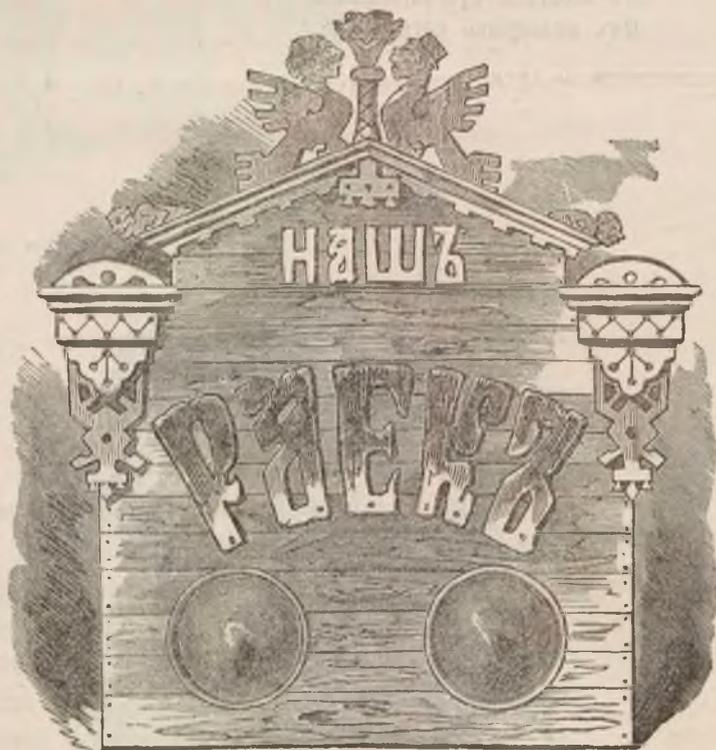
Все тихо надъ нашей столицей,
Течетъ жизнь обычной чредой,
И все обыденныя лица
Мелькаютъ здѣсь по мостовой.
«Чего же нести мнѣ въ газету»—
Вопросомъ я мучусь порой.
Такъ дай-ка пуцу я по свѣту
Фантазіи плодъ... Падо мной
Пускай нашъ редакторъ «ершится»—
Мнѣ дѣла до брани вѣдь нѣтъ!—
И я съ гопораромъ въ карманѣ
Пойду усладиться въ буфетъ!...

V.

Поэта.

«Пока не требуетъ поэта
Къ священной жертвѣ Аполлонъ»—
Вкушаетъ счастье у Лизетты
Поэтъ, красоткой упоенъ!...

Исторъ Неволитъ.

Ну-ка, народъ, собирайся, къ райку подвигайся, раз-
вѣшивай уши, слушай стариковы баклуши, стой, не
волнуйся, спорить не суйся, на мою правду надѣйся,
а лучше спорь до слезъ, а объ закладъ не бейся. Кар-
тинки покажу различныя, оченно даже отличныя, не да-
ромъ и старичокъ болтушка, все-то мнѣ смѣхъ да
игрушка, а ты слушай молчи, всѣ присловья учи, по-

смотри, наблюдай, а тамъ и другимъ передай. Кто-жъ полѣзетъ на споръ, дамъ тому я отпоръ; свой шестокъ знай сверчекъ, значить, братцы, молчокъ.

Такъ-то; уговоръ лучше денегъ.

Первую картинку гляди, да поостроже суди, говорю я что знаю, съ осеи начинаю. Рѣчь веду, братцы, о случаѣ кисломъ, вишь на картинѣ-то дымъ коромысломъ, это столицѣ позоръ, — горитъ Общественный дворъ. Лавки горятъ и амбары, въ нихъ погибають товары, а гляди вопъ купцы въ недоумѣніи: за что-де погибаетъ имѣніе... аренду мы Обществу платимъ, деньги на то и на это мы тратимъ, а привелось быть несчастному случаю, — гибнетъ имѣніе кучею. Вопъ смотри пожарные рвутся, да изъ за воды сердечные бьются, случай, братцы, такой окаянскій, не работаетъ бассейнъ лубянской. Какъ наши пожарные не хватки, да безъ воды взятки-то гладки. Лавки съ товарами всѣ погорѣли, а члены управы на это смотрѣли, вотъ молъ какая случилась оказія; а не они-ли виной безобразіи?

Ну, да это дѣло не наше.

Вотъ видъ, братцы, очень даже хорошій, замечаетъ Москву первой порошей, дорожка станетъ на славу, отъ насмѣшекъ прикроетъ управу, будетъ ей на всю зиму прощенье, за недоброе улицъ мощенье. Вотъ посмотрѣть не хотите ли: улыбаются думскіе мостители, мы де столицу мостили, барышей своихъ не упустили, москвичи изъ пролетокъ валялись, злились одни, другіе смѣялись, но пронесли озлобленія тучи, все принакрыли снѣжныя кучи.

Значить и толковать не о чемъ.

Вотъ те картину получше на, это, братцы, рекрутчина, купцы сынковъ отъ рекрутчины спасаютъ, квитанціи припасаютъ. Они-де люди не военные, самые обыкновенные, имъ нейдетъ маршировка, другая у всѣхъ ихъ снарявка. Имъ ли возиться съ пулями да снарядами, впору имъ заниматься парядами, сердца родительскія распотѣшивать, да покупателей обвѣшивать, кутить они любятъ порою, гдѣ-жъ ихъ выучить воинскому строю. А забываютъ про то изъ нихъ многіе — всему выучать фельдфебели строгіе, въ мѣсяць сдѣлають солдата изъ купчика, въ руки лишь примутъ голубчика, каждый бравымъ воинномъ стаетъ, нузо какъ нужно подтянетъ. Да вѣдь купцы не боятся призыва, сынками жертвуютъ живо, въ смѣлости никому не уступятъ, если квитанцію купятъ.

Народъ храбрый, что и говорить!...

Эна гляди на думскую передригу, дѣятель потерялъ въ дѣлѣ отвагу, былъ онъ комиссіи председателемъ, да недалекимъ былъ созданъ Создателемъ, къ тому-же лишонъ обученія, какое-же тутъ о дѣлахъ попеченіе.

Пыхтѣлъ онъ при каждомъ докладѣ, а все слово съ дѣломъ въ разладѣ, какъ ни строчить — ерунда на примѣтѣ, еще-бы, ежели пишеть арбузъ черезъ живете... Въ Думу запросъ посылаетъ, дѣлопроизводителя имѣть вишь желаетъ, что-де вамъ за этимъ стоять, дайте такого, чтобъ зналъ букву ять, такъ какъ я самъ писать не умѣю, потому васъ объ этомъ просить честь имѣю. Дума его дѣло тѣмъ порѣшила, что отказать ему поскорѣй послѣшила. Вотъ такъ невзгода, Создатель! пыхтѣлъ, пыхтѣлъ председатель, а потомъ порѣшилъ — хвостъ поджалъ, да изъ Думы бѣгомъ убѣжалъ.

Вишь какъ улепетываетъ...

Эта картина пятая, вишь какъ толпится публика богатая, Сарру Бернардъ ожидаетъ, порядку не соблюдаетъ, лѣзетъ напроломъ въ кассу, денегъ приволокла массу, заплачу дорогога дороже, лишь-бы сидѣть пришлось въ ложѣ. Ожидая актрису иностранную, пруть всѣ, будто одѣляютъ ихъ манною. Еще-бы, объ этомъ забота много прохватила до седьмага пота.

Еще бы! — необходимость...

Это вотъ театральные бенефисы, что даютъ намъ актеры, актрисы, да и ловчаки-же проказники, каждый бенефисъ угадываютъ въ праздники. Объ этомъ и говорятъ, и пишутъ, а они ничего не слышатъ, не ведутъ себѣ ухомъ, даже смѣются надъ всякимъ слухомъ. Имъ-бы лишь публику собрать, денегъ набрать, тогда любо два, а тамъ не расти хоть трава. Они хоть искусства служители, да земные вѣдь жители, люди все больше толковые, знаютъ, что такое значать цѣлковые...

Какъ имъ не знать!...

Ну, господа, хорошенькаго понемногу, посмотрѣли картинки, слава Богу, послушали меня старика, оставимъ прочее до другаго денька. Еще когда картишокъ соберу, присказки къ нимъ приберу, вновь притащуся, повеселить васъ потщуся, а если не весело стаетъ, кто-жъ меня лихомъ помянетъ, я ничего не прибавилъ, ничега не уступилъ, за то и продалъ, за что самъ купилъ.

До свиданья.

ДѢДУШКА КРЫЛОВЪ КОЕ КОМУ ВЪ АЛЬБОМЫ.

Гласнымъ.

Изъ кожи лѣзутъ вопъ, а возу все нѣтъ ходу...

Карьеристамъ.

Гдѣ силой взять нельзя, тамъ надобна ухватка...

Обворованной кассѣ.

Какая вещь нустая!...

Нѣкоторымъ рецензентамъ.

Въ чемъ толку не поймутъ, то все у нихъ нустякъ.

Московскимъ буффистамъ.

Вотъ отдохнуть и памъ пора настала.

Артезианскому колодцу.

Кто виновать изъ нихъ, кто правъ,—судить не намъ,
Да только возъ и пылъ тамъ.

Кассирамъ.

А Васька слушаетъ да ёсть.

Нѣкому тузу.

А ты... ахти, какой позоръ!

Акціонерамъ.

Хоть видитъ око,
Да зубъ пейметъ.

Коммисіи перестройки рядовъ.

Спой, свѣтлякъ, не стыдись!

Ростовщикамъ.

Лисица видятъ сыръ, лисицу сыръ плѣнялъ.

Сокольниковъ.

Вѣдь это дереву вредить.

Фату.

За мною только лишь и дѣла,
Летать по баламъ, по гостямъ.

Афферисту.

Сорветъ приманку, увернется.

Кабаку.

А у тебя всегда премножество гостей.

Толкучкѣ.

Не мудрепо, коль мнѣ приходитъ кто дивиться.

Банковой кассѣ.

Ларецъ съ секретомъ...

Запаснимся билетами на представленія Сарры Бер-
нарды.

Отъ радости въ зобу дыханье сперло...

МЕЛОЧИ

Въ театрѣ.

Жидъ подходитъ къ кассѣ.

— Гишпадинъ кассиръ, шказивайте пжалуйсто, што сиводня идетъ?

— Гражданскій бракъ.

— Школьке стоитъ пошлѣднява крешлу?

— Рубль.

— И школьке шкидки?

— У насъ скидки цѣтъ.

— Якъ же такъ? Сами говорите даете бракъ, а якъ бракъ, то шлѣдуетъ шкидка...

Въ кабинетѣ.

Хозяинъ. Вотъ взгляните, архитекторъ принесъ мнѣ видъ фасада дома, который онъ будетъ для меня строить будущей весной.

Гость. Очень красивый фасадъ, но только вы попросили бы архитектора нарисовать и видъ дома, когда онъ упадетъ...

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Ермолову. Сценка „Имянинница“ не будетъ напечатана.

МОСКВА. А. Н. Стихи слишкомъ плохи.

ВЪ ГРАДЪ. Слову. Вашимъ стихотвореніемъ не можемъ воспользоваться. Пришлите получше. О гонорарѣ особо.

Вильеву. „Съ природы“ не будутъ помѣщены.

МОСКВА. Е. Д. Присланные сценки не имѣютъ въ настоящее время интереса.

СОДЕРЖАНІЕ

Погорѣла. М. Политковской.—Нетрудны загадки. Стих. Доктора Окса.—По модному. И. Ваншова.—Вопли. Стих. Нестора Неволина.—Нашъ раекъ.—Дѣдушка Крыловъ кос кому въ альбомы.—Мелочи.—Рисунки.—Объявленія.

За редактора В. Ф. Миллеръ.

400 руб.

ежегодной пенсіи той личности, которая обезпечить малолѣтнюю сироту капиталомъ въ 6,000 руб. Отвѣчаю письменно.—Театральная площадь, Челышева номера, № 149-й, видѣть утромъ отъ 10—12 час. и вечеромъ отъ 5—8 часовъ.

АНТИКВАРІЙ РОДИОНОВЪ

Покровка, противъ 4-й гимназии, сов. домъ.

продажа, покупка, промѣна и комиссія невозможныхъ вещей, картинъ и рѣдкостей, относящихся къ изяществу, искусству и роскоши.

Магазинъ существуетъ съ 1842 года.

ДЕШЕВО ПРОДАЕТСЯ

Партія ситца по 8, 9, 10 и 12 к. за арш. Партія дамск. полотн. воротничковъ по 25 и 35 к. Партія дамск. полотн. манжетъ по 35 и 45 к. Дамск. фуайки шерстяныя по 1 руб. Дамск. юбки теплыя по 1 руб. 50 коп., кальсоны теплыя по 1 р. 25 к. Драповыя юбки изъ drap de velour по 2 р. 25 к. Партія чулокъ по 2 р. за дюжину, чулки цвѣтные разныхъ цвѣтъ. Партія мужск. сорочекъ по 90 к., помочи по 65 к. Партія мужск. сорочекъ цвѣтныхъ по 1 р., кальсоны по 65 к. Партія мужск. носковъ по 1 р. 75 к. за дюж., кальсоны 70 к. Партія платковъ съ цвѣтными койлами за дюжину 1 р. 20 к. Шерстяныя одѣяла по 2 р. 75 к., дѣтскіе по 1 р. 30 к. Партія фланели, байки, чулокъ, носковъ. Партія одѣялъ тканевыхъ 95 к., простыни 75 к. И весьма богатый выборъ салфетокъ, скатертей, полотенецъ, простынное полотно, тюль для гардинъ, голландское и русское полотно, готовое разное бѣлье и множество другихъ предметовъ продается

СЪ БОЛЬШОЙ УСТУПКОЙ ВЪ ЦѢНѢ,

Въ магазинѣ «ВИЛЕФЕЛЬДЪ»,

на Тверской, домъ Малюжи, бывшій Гурьевъ, гдѣ театръ Пушкина. Г.г. иногороднимъ высылаются товары по почтѣ по первому требованію, но не менѣе какъ отъ 25 р.; отправка на счетъ магазина.